

ГЛАВА 1

США, Вашингтон, 4 апреля 1961 года

Ричард М. Бисселл сидел в личном кабинете резиденции директора Центрального разведывательного управления. За пять часов ожидания массивное кресло хозяина из комфортной мебели превратилось в электрический стул, через который с минуты на минуту пропустят заряд тока. Сегодня должна была решиться судьба его детища, многомесячного плана операции по свержению кубинского правительства, настроенного не-лояльно к правительству Штатов.

Разработка проекта велась с января 1960 года и началась еще при президенте Эйзенхауэре. Вот с кем было приятно работать! Штабной офицер понимал толк в тактике и стратегии. И пусть злые языки судачили за спиной о том, как бывший президент «лично расстрелял безоружных ветеранов Первой мировой», в глазах Бисселла это не умаляло заслуг Айка Эйзенхауэра. Он, а не кто-то другой еще в марте 1960 года одобрил план

свержения кубинского правительства. Он распорядился выделить на эту операцию тринадцать миллионов долларов и разрешил использовать имущество и персонал министерства обороны США. Его требование, чтобы «рука Америки не была видна», каким бы ни был окончательный план, казалось Бисселлу вполне разумным. Как и нежелание вдаваться в детали, чтобы в случае неудачи он мог с легкостью заявить о своей непричастности к проваленной операции.

Но! Эйзенхауэра сменил Кеннеди, а план операции так и остался нереализованным. И как это бывает, с новым президентом пришлось начинать все сначала. Только на этот раз у директора ЦРУ, как и у самого Бисселла, уже не было столько свободы. Джон Кеннеди тут же привлек к обсуждению планов военных и еще кучу народа. Он осторожничал с самого начала, а когда Томас Манн, извечный оппонент Бисселла в вопросах кубинского направления, намекнул на то, что, в конце концов, президенту придется пойти на прямое военное вмешательство в дела Кубы, Кеннеди и вовсе сдился.

Сколько усилий пришлось приложить им с Даллесом, чтобы действующий президент не сложил руки и не отдал на откуп Кубе все то, что они получили при правлении Батисты! Сколько раз пришлось переписывать, переделывать

и подгонять под новые стандарты план операции! И вот накануне вечером Даллес позвонил Бисселлу и сообщил, что обсуждение плана назначено на утро 4 апреля.

Если бы не предвыборная кампания, в которой Кеннеди открыто занял позицию конфронтации с Кастро, он, скорее всего, вообще отменил бы операцию по свержению кастровского правительства. Но! Слово сказано, и от этого факта так легко не отмахнешься. Народ помнил, как яростно Кеннеди нападал на Эйзенхауэра за то, что тот допустил «развиться коммунистической угрозе всего в 90 милях от берегов Америки». Именно эта позиция дала Кеннеди нужное количество голосов на выборах, и теперь ему приходилось с этими голосами считаться.

Он не говорил прямо: нет, Куба меня больше не интересует, он просто тянул время, считая, что если проблемой не заниматься, она рассосется сама собой. Из раза в раз на очередном совещании он твердил о том, что предпочел бы постепенно наращивать партизанскую войну до тех пор, пока кубинское ополчение самостоятельно не свергнет правительство. И как они с Алленом Даллесом ни убеждали президента, что подобный ход неприемлем, Кеннеди уступать не спешил.

Надо отдать должное директору Даллесу: когда нужно, он умеет настоять на своем. Нынешняя

встреча — полностью его заслуга, только вот добьется ли он желаемого результата? Нервы Бисселла были натянуты до предела. Ему казалось, что в кабинете он провел уже не часы, а недели или даже месяцы. И вот, когда ждать больше не осталось сил, дверь распахнулась и на пороге появился хозяин кабинета.

— Свершилось! — Даллес остановился в дверях. — Ричард! Видел бы ты эту встречу! Слышал бы ты эти речи!

Бисселл вскочил с кресла, сделал два шага навстречу и протянул руку.

— Я должен это видеть, — негромко произнес он.

— Что, не терпится? — Даллес хохотнул. — Понимаю. Самому с трудом верится, что он это сделал. Да расслабься, говорю же: план «Запата» подписан, утвержден и изменениям не подлежит. Активная фаза реализации начинается немедленно.

— Все равно я должен это увидеть, — настаивал Бисселл.

— Ладно, смотри, — Даллес закрыл за собой дверь, прошел к столу и выложил перед Бисселлом долгожданный документ.

— До последнего не был уверен, что он на это решится, — рассматривая штамп на титульном листе многостраничного документа, произнес Бисселл.

— Он и не решился, — Даллес рассмеялся. — Снова начал твердить свое: я бы предпочел видеть силы вторжения не более 200—250 человек, и лучше бы обойтись группами кубинских эмигрантов, но я пустил в ход все свое красноречие и добился того, что он дал добро на использование «Бригады 2506» в полном составе, да еще выбил поддержку флота. Так что с сегодняшнего дня у нас с тобой масса работы.

— Что с «фазой два»? — задал вопрос Бисселл.

— Ты же знаешь, планировать то, что случится после высадки десанта, — дело неблагодарное. В тайных операциях практически невозможно предугадать исход.

— Если десант продержится хотя бы несколько дней, он сумеет продержаться и месяцы. Кастро не сможет отбить плацдарм, наши ВВС будут контролировать небо. Бомбардировки без прерыва — вот что будет.

— А пока все на острове полыхает, много чего может произойти. В том числе и в нашу пользу, — поддержал Даллес. — Все это мне известно, как и то, что кое-кто делает ставку на молодежь, которая поднимется и пойдет на Гавану.

— Я предпочитаю вариант с признанием временного правительства и прямой военной поддержкой со стороны США.

— Этот вопрос тоже обсуждался, — заметил Даллес.

— И каков ответ?

— Категоричное «нет».

— Пока «нет», — протянул Бисселл и усмехнулся. — Если вдруг по какой-то причине операция начнет развиваться не так, как хотелось бы, Кеннеди встанет перед выбором: провал операции или прямое военное вмешательство.

— И ты уверен, что он выберет последнее?

— У него просто не останется выбора, — уверенно заявил Бисселл.

— Беседа закончилась тем, что мне снова пришлось заливать президенту про то, как в случае неудачи у десанта будет возможность перейти к партизанской борьбе, так что полного провала быть не может.

— Какая чушь! Этот вариант мы даже не обсуждали, — фыркнул Бисселл.

— Зато президента он успокоил, а нам принес долгожданный результат, — Даллес прихлопнул ладонью вожделенный документ.

Бисселл сел за стол и принялся перелистывать страницы. Ему не требовалось освежать в памяти отдельные моменты операции, просто было приятно смотреть на свое детище, после того как его выпустили в жизнь.

— Не понимаю, почему он так долго медлил? — задумчиво произнес он после паузы. — Ведь о подготовке операции его известили еще в период предвыборной кампании, и тогда он не высказался против.

— В то время он одобрил бы любую операцию, — Даллес невесело улыбнулся. — Предложи ты ему тогда бомбить Москву, он и на это был бы согласен, а после вступления в должность снова делал бы вид, что подобной операции не существует. Очень удобно.

— Насколько я помню, президент Эйзенхауэр тоже был за полную секретность, — напомнил Бисселл. — «Каждый должен быть готов поклясться, что ничего не слышал об этой операции» — это ведь его слова.

— Одно дело для мировой общественности, и совсем другое дело для людей посвященных. Мы с тобой, Бисселл, люди посвященные. Я директор ЦРУ, ты — мой заместитель по планированию, поэтому играть перед нами роль невинного дитя не слишком умно.

— И все же мы хорошо потрудились, — заметил Бисселл.

— Да, Ричард, мы хорошо поработали. Ты хорошо поработал, — произнес Даллес и неожиданно добавил, проявив небывалую откровенность: — За время подготовки плана я ни разу

не пожалел, что дал тебе полную свободу действий в оперативных вопросах.

После его откровения они какое-то время молчали. Каждый вспоминал о том, как все начиналось. Первым шагом был сбор кубинцев, бежавших от режима Кастро, и организация их подготовки. Всех, кто после победы Кастро эмигрировал в США или в страны Латинской Америки, в короткий срок обработали агенты ЦРУ.

Первая оперативная группа в Майами насчитывала всего десять человек. Они хорошо знали страну, так как в свое время работали и жили на Кубе. Их вооружили, организовали и обозначили ближайшие задачи. Спустя короткое время их стало в четыре раза больше.

Затем в дело вступил Вашингтон со своим меморандумом «Ответственность кубинского правительства за увеличение международной напряженности в Западном полушарии». Этот шедевр разработали не без помощи ЦРУ. Меморандум сработал. По всей Латинской Америке начали возникать военные лагеря для подготовки кубинских наемников. Аэродромы Гватемалы и Никарагуа открыли для ЦРУ свои ворота.

Потом пришло время для сплочения политических противников Кастро. И вот результат: создание «Демократического революционного фронта». К ноябрю 1960 года США перешли

к очередному этапу: под предлогом защиты Никарагуа и Гватемалы от возможного нападения Кубы к кубинскому побережью отправили группу военных кораблей ВМС США. Мало кто знал, что этот рейд был подготовкой к предстоящей операции по свержению правительства Кубы.

Этот рейд не остался незамеченным. Министр иностранных дел Кубы Рауль Кастро на заседании Совета Безопасности ООН заявил о том, что американские спецслужбы готовят вооруженное вторжение на Остров свободы. Впрочем, особого резонанса выступление не получило, а подготовка шла своим ходом. В марте 1961 года ЦРУ сформировало из кубинских эмигрантов будущее правительство страны, так называемый «кубинский революционный совет».

И вот, наконец, апогей подготовки: план «Запата». По плану операция должна была начаться 17 апреля. Главная ее часть, разумеется. Корабли с десантом под флагом Либерии подходят к берегам Кубы. Высадка «Бригады 2506», тщательно собранной из кубинских эмигрантов, чтобы замаскировать участие в операции Соединенных Штатов, должна произойти в малонаселенном районе бухты Кочинос. Десантироваться ночью, предварительно отправив в район Орьенте группу из 168 человек для организации отвлекающей десантной высадки. Нино Диас, командир от-

ряда, должен был имитировать десантирование крупных сил, со взрывами и стрельбой. Но самое главное — это бомбовые удары шестнадцати самолетов В-26. ВВС Кубы должны быть уничтожены до того, как начнется высадка основного десанта.

Все эти действия должны привести к тому, что находящиеся на Кубе противники Фиделя Кастро активизируются и завершат то, что начнет десантная группа, а именно — свергнет «красное» правительство Кастро. И США снова смогут пользоваться благами, которые несет в себе Остров свободы. Отличный план! Продуман до мелочей, сомнений в удачном исходе просто не может быть. Так считал директор ЦРУ Аллен Даллес, так считал его заместитель по планированию Ричард М. Бисселл. Так должны были считать все.

Куба, Гавана, 16 апреля 1961 года, здание генерального штаба нового правительства

- Сообщение из провинции Орьенте.
- Не сейчас, Рауль.
- Я жду уже два часа, брат, неужели ты настолько занят, что не можешь уделить и десяти минут, чтобы выслушать новости?
- Новости хорошие?

— Ни хорошие, ни плохие. Это слова благодарности кубинского народа.

— Тогда зачем тратить на них время?

— Ты не прав, Фидель. Народным мнением пренебрегать нельзя. Что с тобой? Откуда хандра?

Разговор между двумя братьями, Раулем и Фиделем Кастро, происходил на закате в ночь с 16 на 17 апреля, в год, когда власти США от тайной антикубинской деятельности перешли к открытой интервенции. Был он не первым и не последним. Зачинщиком разговора всегда выступал младший, Рауль, Фидель же предпочитал оставлять смущающие его темы без огласки. Таковых было немного, вернее, всего одна. Камнем преткновения служили отношения Кубы и Соединенных Штатов.

«Разве мало нам было Батисты? Разве не достаточно претерпел от него кубинский народ, чтобы терпеть пиявку-Америку у себя на теле? Сколько горя принесли кубинскому народу годы симбиоза между Батистой и американским правительством! Голод и нищета, безработица и деградация. И все это на фоне богатеющих и жиреющих американских мафиози! Когда же Куба заживет свободно? Сможем ли мы добиться этого? Смогу ли я добиться этого?»

Такие мысли одолевали Фиделя на протяжении нескольких месяцев после того, как 1 янва-